

Цветаева Е. Н.

**"ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР" СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ
(ИСТОРИЧЕСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)**

Адрес статьи: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/84.html

Статья опубликована в авторской редакции и отражает точку зрения автора(ов) по рассматриваемому вопросу.

Источник

Альманах современной науки и образования

Тамбов: Грамота, 2009. № 8 (27): в 2-х ч. Ч. II. С. 198-201. ISSN 1993-5552.

Адрес журнала: www.gramota.net/editions/1.html

Содержание данного номера журнала: www.gramota.net/materials/1/2009/8-2/

© Издательство "Грамота"

Информация о возможности публикации статей в журнале размещена на Интернет сайте издательства: www.gramota.net

Вопросы, связанные с публикациями научных материалов, редакция просит направлять на адрес: almanac@gramota.net

Словообразование объединяет различные способы обогащения словарного состава языка. Важным из них является морфологический способ, при котором новые слова образуются путем сочетания морфем. Особенности исторического развития словарного состава английского языка привели к тому, что морфологическая структура основы слова не всегда может служить признаком части речи. Основа и даже корень во многих словах совпали с основной формой слова. Это способствовало возникновению по образцу уже существующих омонимичных парных слов без добавления или изменения каких-либо морфем, но в другой части речи. Показательным это является и в экономической терминологии, например, от существительного demand -спрос образуется глагол to demand - требовать, предъявлять требование. Этот специфический для современного английского языка тип словообразования известен под названием конверсия [Арнольд, 1959, с. 128]. Конверсия - безаффиксальный способ словообразования, в результате действия которого образуется категориально новое слово, совпадающее в некоторых формах с исходным словом [Арбекова, 1977, с. 41]. Например, в экономических терминах put - опцион на продажу - to put класть, положить; - cost - цена, стоимость - to cost стоить, назначать цену. Основной предпосылкой образования новой языковой единицы путем конверсии является изменение синтаксического функционирования слова, сопровождаемое изменением значения.

Для конверсии необходимо изменение привычного синтаксического окружения. Синтаксическое окружение оказывается иным при введении слова в несвойственный ему контекст или при выпадении одного из элементов привычного контекста, т.е. в результате эллипса. При конверсии, являющейся результатом эллипса, появлению нового слова должно предшествовать многократное совместное употребление двух слов, так чтобы при выпадении одного из них было бы гарантировано понимание. Эллипс приводит к образованию способом конверсии существительных из прилагательных и причастий:

Например, a summit (из summit conference), a convertible (из convertible car, coat), a commercial (из commercial programme) [Там же, с. 42].

Наиболее распространенная разновидность конверсии в современном английском языке является вербализация существительных. Путем конверсии от существительных образовано много глаголов. Это характерно для многих экономических терминов, например, change -to change, lend - to lend, order - to order, bargain -to bargain, rent - to rent, exercise - to exercise.

Конверсия в английском языке продуктивна. Особая продуктивность конверсии в английском языке объясняется существованием большого количества непроизводных слов, незакрепленных аффиксально за частью речи, сравнительной малочисленностью словоизменяемых аффиксов и грамматических форм, а также простотой образования последних [Мешков, 1976]. Например, от предлога off -с, от произошло существительное off -снижение курсов против предшествующего дня.

Следовательно, конверсия в английской экономической терминологии имеет особенно широкое распространение.

Важнейшей причиной этому можно считать ту особенность английского языка, которая состоит почти в полном отсутствии в нем морфологических показателей части речи [Арнольд, 1959, с. 120].

Список использованной литературы

1. **Англо-русский толковый словарь. Банковское дело.** М.: Экономическая школа; ОЛМА ПРЕСС образование, 2005. 736 с.
2. **Арбекова Т. И.** Лексикология английского языка: практический курс: учеб. пособие для II-III курсов ин-тов и фак. иностр. яз. М.: Высшая школа, 1977.
3. **Арнольд И. В.** Лексикология современного английского языка. М.: Издательство литературы на иностранных языках, 1959.
4. **Мешков О. Д.** Словообразование в современном английском языке. М.: Издательство «Наука», 1976.
5. **Федоров Б. Г.** Новый англо-русский банковский и экономический словарь. СПб.: Лимбус Пресс, 2000. 848 с.
6. **Oxford dictionary of business English for learners of English.** Oxford university press, 1993. 493 p.

«ПЕРЕВЕРНУТЫЙ МИР» СРЕДНЕВЕКОВЬЯ В НЕМЕЦКОЙ КУЛЬТУРЕ И ФРАЗЕОЛОГИИ (ИСТОРИЧЕСКИЙ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЙ ОЧЕРК)

Цветева Е. Н.

Московский государственный лингвистический университет

В состав фразеологии современного немецкого языка входит немало идиом, происхождение которых сегодняшним рядовым носителям языка непонятно. У специалистов - историков фразеологии - как правило, есть ответ на вопрос о происхождении той или иной идиомы. Однако часто источник возникновения идиомы или ее прототип либо вызывает неоднозначное толкование устойчивого выражения, либо основывается на ложных представлениях, а иногда остается загадкой.

История идиомы - это больше, нежели ее этимология. Этимология идиомы связана не только с моментом ее появления в языке, ее письменной фиксацией, она связана с источником ее происхождения, а также с историей ее компонентов. В своей совокупности историко-этимологический анализ идиомы предполагает добытие информации об образе (возможно, уже утратившем свою актуальность), положенном в его основу, а также о первоначальной ситуации употребления. Итак, чтобы разгадать внутреннюю логику выражения,

мы обращаемся к языковым фактам (историческим семантическим процессам, структурно-семантическим особенностям и т.п.), но этого недостаточно. Невозможно интерпретировать языковые факты, не зная культурного фона, условий, в которых они возникли. Важное место в становлении многих явлений фразеологии занимает историко-культурологический фактор.

Но налицо и обратная связь. Так, известный французский ученый-медиевист Жак Ле Гофф, писал, например, о поговорках, «ждущих ещё своего фундаментального исследования, которое позволило бы нам добраться до самых глубин средневековой ментальности» [Ле Гофф, 1992, с. 305]. В лингвистической литературе под термином «поговорки» подразумеваются разного рода устойчивые выражения, фразеологизмы. Вывод же В. Гумбольдта о том, что «... в языках перед нами предстают различные способы мышления и восприятия» [Вундт, 1912, с. 132] применим к фразеологизмам в не меньшей, если не в большей степени, чем к любому другому проявлению языка.

Сколь бы далеким и темным ни казалось нам средневековье, а тем более его язык, язык разговорный, которым пользовались практически все слои общества, языковая культура средневекового человека оказывается не столь уж недоступной современному исследователю. В языке и обычаях крестьян и горожан существовал полный смысла особый порядок, даже если язык и обычаи отличались от языка и обычаев образованных людей.

В средние века пословицы, поговорки, различного рода идиоматические выражения собирались и переписывались неоднократно. Существовало два вида сборников: пословицы и максимы, которые приписывались античным мыслителям и философам; и обиходные пословицы народного происхождения. Последние также были способны передать часть истины, народной мудрости. Возможно, они не были изящны, а порой бывали и грубоваты, но понятны и образны. Их использовали писатели (в том числе и гуманисты), проповедники, не гнушались ими и представители высших слоев общества.

Э. Роттердамский рассматривал пословицы как "окно в старый мир", говорил об их особом стиле. Пословица должна быть сочной и остроумной, содержать необычный прием или необычный образ, быть лаконичной... На таком языке могут разговаривать между собой крестьянин и ученый: даже в Евангелии есть многое, что пришло от обычных людей [Erasmus, 1933].

Для того чтобы понять поведение, культуру, а, следовательно, и язык средневекового человека, необходимо попытаться воссоздать представления и ценности, присущие ему, выявить его «привычки сознания», то, как он оценивает действительность, его особенности видения мира. Одним словом, полагаться на ту модель мира, которая сложилась в конкретном историческом обществе [Гуревич, 1984, с. 29-30].

Какие же черты определяют культуру позднего средневековья? Нидерландский культуролог Й. Хейзинга характеризует средневековье следующим образом: "Средневековая жизнь полна игры, движения, буйных народных игр, полна языческих элементов, которые утратили свое сакральное значение и преобразились в чистую шутку, в пышную и чинную игру рыцарства, в утонченную игру куртуазности и целый ряд других форм" [Хейзинга, 1992, с. 203]. Игра была основой жизни средневекового человека.

Предварительное, но очень яркое представление о специфике культуры исследуемой эпохи создает стихотворение Г. Сакса «Немецкая масленица»:

Везде личина, все подвох.
Вот ряженный, вот скоморох.
Откуда ни возьмись - арапы.
Вон барин - бабою растяпой,
Вон баба, в свой черед, в штанах.
Вон трубочист, а вон монах.
Вон мужики, а вон цыгане,
И теснота, как в балагане
[Даркевич, 1988, с. 104].

Карнавальность - одна из важнейших основ культурного развития средневековья, которая помогает понять природу такого языкового явления, как идиоматическое выражение. Причина "карнавальности" в специфике эпохи, для которой характерна ломка в сознании человека, обусловленная переходом от ментальности средневекового христианства к новому времени с его новыми социально-экономическими отношениями.

Карнавал - явление древнее и необычайно многостороннее. соединяет в себе приметы языческого ритуала и церковного действия, многовековые традиции шутовства и изустной литературы, площадного зрелища и древнейших форм театра. Карнавал - сам по себе ритуальный театр, творимый народом на улице. Карнавал в широком смысле слова подразумевает рассмотрение святочных праздников церковного годового цикла - Святок (Zwölfen), Кануна поста (Fastnacht), Троицких дней (Pfungsten), Праздника урожая (Erntefest). Если присовокупить сюда обряды и светские праздники средневековья, с их зимним, весенним, летним и осенним циклами, то мы имеем дело с понятием всеобъемлющим. Карнавал в узком смысле слова, как его принято рассматривать в немецкоязычной традиции, - фастнахт или фашинг - празднества, происходящие в течение шести "жирных дней", предшествующих началу Великого поста. Ежегодно в феврале, начиная с четверга и кончая вторником следующей недели, толпа веселых ряженных совершала множество шутовских обрядов, попирающих все нормы христианского и общественного порядка. Шуты и шутовство как выражение крайней свободы поведения и творчества правили в эти дни средневековым городом.

Карнавал в немецкоязычных странах существенно отличается от карнавала в итальянских традициях, хо-

тя под влиянием католицизма долгое время развивался параллельно с ним. Немецкий карнавал - высокоупорядоченная и достаточно замкнутая структура. О карнавале в Германии существует много исследований. Его рассматривают с самых разных точек зрения: с историко-культурной, антропологической, с теологической, фольклористической, театральной, филологической. Исследователей занимают разные аспекты этого явления. И среди прочего - идея шутовства и шутовское мирозерцание [Колязин, 2002, с. 88]. Мы же рассматриваем идею карнавала и шутовства в ее языковом воплощении во взаимосвязи с другими проявлениями культуры.

Вернемся к средневековым пословицам. В европейской традиции XVI в. они находят удивительное по своей природе отражение в живописи. В первую очередь это относится к произведениям голландских мастеров (очевидна их близость немецкой культуре, а, кроме того, фразеология нидерландского и немецкого языков того времени имеет много общего). На наш взгляд, в изобразительном искусстве сублимируются определенные мировоззренческие проявления, а в языке фразеология является концентрированным выражением подобных представлений. Поэтому неслучайно один из распространенных мотивов голландской живописи позднего средневековья - представление о "перевернутом мире" (*нем.* *verkehrte Welt*). Так, "Verkehrte Welt" - второе название известного полотна П. Брейгеля "Фламандские пословицы" (*нем.* "Die niederländischen Sprichwörter", 1559), которое представляет собой 118 сюжетов-пословиц. В центре картины - черт, принимающий исповедь - самое яркое для сознания средневекового человека воплощение "перевернутости". Другое его полотно "Страна лентяев", 1567 (*нем.* *Schlaraffenland*) как и многие другие работы Брейгеля, имеет в своей основе пословицу - *нидерл.* *Geen ding is er gekker dan lu en lekker* (*букв.*: нет ничего более глупого, чем ленивый сладёна). «Страна лентяев» - сказочная страна изобилия, мотив, распространенный во многих сказках стран Европы. Стихотворное изложение сказки о вымышленной стране бездельников было дано немецким поэтом Г. Саксом в 1536 г. Главные персонажи картины Брейгеля - совсем разные по социальному статусу люди: рыцарь, крестьянин и ученый - расположились после сытного обеда под деревом, вокруг которого оборудован обеденный стол. По сути, они празднично и бездарно проводят время у Древа жизни (имеющего сакральный смысл), не замечая, между прочим, что рядом - голодный оруженосец рыцаря ждет, когда и ему что-нибудь перепадет.

В этой связи нельзя не провести параллели с известным произведением С. Бранта «Корабль глупцов» („Das Narrenschiff“). В «Корабле глупцов» дан пестрый парад пороков. Глупцы садятся на корабль, чтобы ехать в Наррагонию (страну глупости, ср. *нем.* *Narr* «глупец, дурак, шут»), очень похожую на страну лентяев. Здесь мы можем говорить о своего рода интертекстуальности в самом широком дискурсивном смысле.

А другой голландский художник Ян Стеен (Jan Steen) (правда, позднее, в XVII веке) представил свою версию "перевернутого мира" (*нем.* "Die verkehrte Welt", 1663). Безалаберное домашнее хозяйство: хозяйка дома уснула за столом, а вокруг - иллюстрирующие нидерландские пословицы изображения человеческой глупости и пороков. Ключ к интерпретации - надпись на шиферной доске справа внизу, содержащая первую часть нидерландской пословицы "in weelde siet toe", т.е. "im Wohlleben seht euch vor", а предполагаемое продолжение - "und fürchtet die Rute", наказание уже близко: под потолком подвешена корзина, в ней - меч и костьль.

Картины "пословишной" тематики голландских мастеров, преследуя дидактические цели, всегда полны иронии и юмора. Не случайно живописец соединил в своем произведении изображение с пословицей. Идиома как нельзя лучше передает "перевернутость" мира. Собственно, в "перевернутости", необычном сочетании компонентов и есть ее особенность. Известно, что рассматриваемая эпоха - период бурного формирования и развития фразеологического состава немецкого языка.

Народный смех - неотъемлемая черта карнавальности, орудие, с помощью которого создается "перевернутый мир" на полотне художника, в литературном произведении, на площадных масленичных театральных подмостках. Одна из картин П. Брейгеля так и называется «Состязание между карнавалом и постом» (*нем.* "Der Kampf zwischen Karneval und Fasten", 1559). Гуманисты в своих произведениях часто обращаются к этим двум началам человеческой природы: добродетели и пороку.

На культуре смеха следует остановиться особо. О ее необыкновенной роли для средних веков пишет М. М. Бахтин, вводя такие понятия, как "смеховая культура", "смеховое творчество". Все проявления и выражения народной смеховой культуры подразделяются на три группы:

1. обрядово-зрелищные формы (празднества карнавального типа, различные площадные, смеховые действия и пр.);
2. словесные смеховые (в том числе, пародийные) произведения разного рода: устные и письменные, на латыни и на народных языках;
3. различные формы и жанры фамиллярно-площадной речи (ругательства, божба, клятва и др.).

Эти три вида форм, отражающие - при всей их разнородности - единый смеховой аспект мира, тесно взаимосвязаны и многообразно переплетаются друг с другом [Бахтин, 1990, с. 7-9].

"Игровая культура карнавала оперировала условным языком зрелищно-речевых форм и символов" [Даркевич, 1988, с. 168]. Для смеховой культуры средневековья характерна фигура шута. Этот образ использовали и авторы литературных произведений позднего средневековья. Это в первую очередь С. Брант и его "Das Narrenschiff", к ним прибегает в фастнахтшпилях (фастнахтшпили - «масленичные действия», небольшие стихотворные комедии) Г. Сакс, присутствуют они и у И. Паули в его шванках (шванк - небольшой юмористический рассказ в стихах или прозе, часто сатирического и назидательного характера). Эти произведения в

большей или меньшей степени тяготеют к жанру дидактической сатиры. Произведения этого жанра отражают разговорный стиль своего времени, так как предназначены для широкого круга читателей или слушателей, представляющих разные социальные слои и опираются на устную народную культуру. Степень разговорности зависит от формы произведения: в фастнахтшпиле она выражена исключительно ярко, это - больше сатира, чем дидактика; шванк - более дидактичен, сатира здесь помогает дидактике быть эффективней; сатирико-дидактическая поэма С. Бранта - сплав того и другого на более высоком уровне. Можно также сказать, что степень разговорности определяется степенью образованности авторов произведений: Г. Сакс - сапожник, поэт-самоучка; И. Паули - францисканский монах, проповедник; С. Брант - профессор Базельского университета, один из немецких гуманистов [Brant, 1839; Pauli, 1866; Sachs, 1881]. Обратимся к ним как к авторитетному источнику немецкой фразеологии позднего средневековья.

Элемент "Narr" необыкновенно продуктивен во фразеологии исследуемого периода. Основоположителем этой "линии" не только в литературе, но и в языке был С. Брант, которому принадлежит большое количество сложных слов и устойчивых сочетаний с этим элементом. Вот неполный перечень этих единиц: einem Narren an die Schuh tun; einen auf die Narrenbank setzen; im Narrenbri stecken; *jmdn.* in Narrenbri tunken; *jmdm.* den Narrenbri rühren; am Narrenseil tanzen и многие другие.

Но "Narr" - это не просто олицетворение глупости. "Narr" - антипод добродетели, совокупность человеческих пороков. Все шутовские атрибуты символичны (например, Карре *нем.* шутовской колпак, Schellen *нем.* бубенчики). Кроме того, в XVI веке это не просто "Narr", а "Fastnachtsnarr", концентрированное символическое воплощение порока, каковым и является в "перевернутом мире" шут. В современной немецкой фразеологии представлен ряд идиом «шутовской» тематики с семантикой, в большинстве случаев обнаруживающей связь с прототипом фразеологизма:

jmdn. zum Narren halten/haben *разг.* 1) дурачить *кого-л.*; 2) считать *кого-л.* дураком; издеваться, смеяться над *кем-л.*;

пословицы am vielen Lachen erkennt man den Narren смех без причины - признак дурачины, jedem Narren gefällt seine Karre всяк кулик своё болото хвалит;

einem Narren an *jmdm.* *letw.* gefressen haben *фам.* быть без ума от *кого-л.*, *чего-л.*, помешаться на *ком-л.*, на *чём-л.* Последнее в буквальном понимании представляет собой полную бессмыслицу (*букв.* сожрать на *ком-л.*, *чем-л.* дурака). Но в этом-то и суть «перевернутости»: быть дураком по отношению к *кому-л.*, слепо боготворить (*ср. тж. нем. разг.* vernarrt in *jmdn.* sein быть влюблённым до безумия в *кого-л.*; безумно увлечённым *кем-л.*, *чем-л.*).

Другое олицетворение глупости в Средневековье (хотя и не всегда оправданное, но такова уж древняя "привычка сознания" многих народов) - осел: *jd.* gehört nicht auf den Esel, sondern der Esel auf seinen Rücken; *jd.* weiß als viel von etw., als Müllers Esel quintieren kann (Quinterne - музыкальный струнный инструмент, используемый при богослужении). Однако, основываясь на средневековой традиции фастнахтшпиля и на системе его образов, можно предположить, что Esel - контекстуальный синоним Narr, так как один из атрибутов шута - длинные ослиные уши на шутовском колпаке, *ср.:* die Ohren strecken, Ohren haben und Schellen dran и др.

О человеческой глупости в средние века говорили много и, не только используя слова "Narr" и "Esel". Еще в античности обезьяна олицетворяла глупость. Это находит свое продолжение и в европейской культурной традиции. У И. Паули, а особенно у С. Бранта "Affe" - очень продуктивный элемент идиоматических выражений: *jmdn.* hat ein Affe gemacht; *jd.* benimmt sich so, als ob seine Mutter ein Affe wär; von Affenberg sein; Bürger zu Affenberg sein.

Таким образом, мы видим, что извечное противоречие между карнавалом и постом, идея «перевернутого мира» - источник развития определенных культурных традиций эпохи, к которым - в рамках языковой традиции - относится формирование специфического пласта фразеологии.

Список использованной литературы

1. Бахтин М. М. Творчество Франсуа Рабле и народная культура средневековья и Ренессанса. М.: Художественная литература, 1990. 541 с.
2. Вундт В. Проблемы психологии народов. М.: Космос, 1912. 132 с.
3. Гумбольдт В. Язык и философия культуры. М.: Прогресс, 1985. 450 с.
4. Гуревич А. Я. Категории средневековой культуры. М.: Искусство, 1984. 350 с.
5. Даркевич В. П. Народная культура средневековья. М.: Наука, 1988. 342 с.
6. Колязин В. Ф. От мистерии к карнавалу: театральность немецкой религиозной и площадной сцены раннего и позднего средневековья [Электронный ресурс]. М.: Наука, 2002. URL: <http://ec-dejavu.ru/c-2/Carnival.html> (дата обращения: 27.05.2009).
7. Ле Гофф Ж. Цивилизация средневекового Запада. М.: Прогресс, 1992. 376 с.
8. Хейзинга Й. Homo ludens. В тени завтрашнего дня. М.: Прогресс, 1992. 464 с.
9. Brant S. Das Narrenschiff. Leipzig, 1839. 312 S.
10. Erasmus D. Ausgewählte Werke. München: Becksche Verlagsbuchhandlung, 1933. 329 S.
11. Pauli J. Schimpf und Ernst. Stuttgart, 1866. 559 S.
12. Sachs H. Dreizehn Fastnachtspiele. Halle/Saale: Max Niemeyer, 1881. 152 S.